

П Р О Т О И Е Р Е Й

ВСЕВОЛОД ЧАПЛИН

ВЕРА И ЖИЗНЬ

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО СОРА В ИЗБЕ

Свидетель эпохи

Всеволод Чаплин

Вера и жизнь

«Алисторус»

2016

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Чаплин В. А.

Вера и жизнь / В. А. Чаплин — «Алисторус», 2016 — (Свидетель эпохи)

ISBN 978-5-906861-49-8

Мемуары бывшего «церковного Суркова», протоиерея Всеволода Чаплина, до недавнего времени отвечавшего за отношения Русской Православной Церкви с государством и обществом, – откровенный рассказ «церковного бюрократа» о своей службе клирика и внутреннем устройстве церковного организма. Отец Всеволод за двадцать лет прожил вместе с Церковью три эпохи – советскую, «перестроечно»-ельцинскую и современную. На его глазах она менялась, и он принимал самое непосредственное участие в этих изменениях. Из рассказа отца Всеволода вы узнаете: • как и кем управляется церковная структура на самом деле; • почему ему пришлось оставить свой высокий пост; • как Церковь взаимодействует с государством, а государство – с Церковью; • почему теократия – лучший общественный строй для России; • как, сколько и на чем зарабатывают церковные институты и куда тратят заработанное; • почему приходские священники теперь пьют гораздо меньше, чем раньше. и многие другие подробности, доселе неизвестные читателю. Несомненный литературный талант автора позволил объединить в одной книге истинный публицистический накал и веселые церковные байки, размышления о судьбах веры и России (вплоть до радикальных экономических реформ и смены элит) и жанровые приходские сценки, яркие портреты церковных Предстоятелей (включая нынешнего Патриарха) и светских медийных персон, «клир и мирь».

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-906861-49-8

© Чаплин В. А., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Глава 1	6
Вера и Церковь: мои первые шаги	6
Юный бюрократ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Всеволод Чаплин

Вера и жизнь

Глава 1

Бог и люди

Вера и Церковь: мои первые шаги

Как рождается в человеке вера? Это всегда тайна – сколько ни гадай, сколько ни изучай «феномен религиозности», сколько ни ищи его политические, экономические, биологические «причины».

Кто-то верует с детства, от родительского воспитания. Но часто такой человек со временем веру теряет – и вдруг вновь обретает ее, иногда на смертном одре. Так часто было со многими интеллигентами XIX века и советскими атеистами века XX. Почему вера уходит? Многие скажут: вот, взбунтовался подросток против родителей... Или – вот, поменялась политика – и стал атеистом... А потом повзрослел, или политика опять поменялась – и вернулся человек к вере. Все так, но не совсем. Иногда нежданно-негаданно атеист или скептик вдруг вспомнит «запах» детства, а на самом деле коснется его Дух Святой – и вот опять он христианин. И ничего объяснить себе не может.

Кто-то приходит к вере от ума. Читает книги, сопоставляет учения, ведет внутренний диалог с неверием, видит чудеса и не верит им... И вдруг наталкивается на какой-то совсем простой текст: на «слоган» юродивого, на песню, на пару фраз из фильма – и заканчивает внутреннюю дискуссию. Иногда на время, иногда навсегда. Бог ведь и через фильм может говорить, и через песню!

Кого-то Бог приводит к Себе через скорби и страдания. И так бывает очень часто. Человек скорбит, негодует, переживает страх и ужас, бросает вызов Богу – и вдруг Он отвечает! Он, как Творец и Промыслитель, наперед знает, в чем настоящее благо для человека, знает лучше, чем сам человек. Именно так Он ответил Иову: «Обозрел ли ты широту земли? Объясни, если знаешь, все это. Где путь к жилищу света, и где место тьмы?» (Иов. 38, 18–19). Неожиданно человек понимает: страдания были не «за что», а «зачем» – для встречи с Богом. И благодарит – именно благодарит! – Его за страдания, и видит в них глубокий смысл, и говорит себе: а кем бы я без этих страданий был...

* * *

Господь каждому открывает Себя Сам – и ты часто совершенно не понимаешь, как именно. Я задумывался о жизни, смерти, вечности уже лет с семи-восьми, когда начал читать толстые романы и слушать – по примеру отца, но самостоятельно – зарубежные «радиоголоса». Крутить коротковолновый приемник я научился быстро. Иногда делал это даже у открытого окна, к ужасу обывателей. На весь двор ставил «Голос Америки» – где-то с шести вечера до полседьмого, пока его не начинали глушить. Вопреки сказкам о чудовищном тоталитаризме брежневских времен, никто никого за это даже не пожурил – в Москве середины 70-х, между прочим. На «голосах», наряду с политическими, звучали религиозные материалы: богослужения, церковный календарь и чтение книг по «Радио Ватикана», проповеди отца Димитрия Дудко, отца Виктора Потапова и владыки Иоанна (Шаховского) по «Голосу Америки», выступ-

ления митрополита Антония (Блума) по Би-би-си, многочасовое протестантское вещание на «Радио Монтекарло». Часть всего этого навевала на меня скуку и даже вызывала протест – особенно из-за умильно-елейного тона и пустоты. Но многое оставалось в памяти, хотя «голоса» я прежде всего слушал как сложившийся к 8–9 годам стихийный антикоммунист.

Мне была противна советская «элита» – зажавшаяся, наглая, уверенная в собственной правоте и правильности. Особо непробиваемыми были военные и, между прочим, «системные» интеллектуалы, среди которых я рос. По линии отца – он был профессором, занимался радиотехникой и теорией электромагнитных волн – преобладали «технократы», с их культом науки и разговорами о том, что партийное и государственное начальство «должно слушать специалистов». Конечно, подразумевалось, что «специалисты» лучше всех разбираются во всем, включая политику и идеологию. Возражения не принимались. По линии матери была приемная родня из семейства Циолковских. Мой родной дед Виталий Николаевич Ранжев скончался от ран в госпитале вскоре после Сталинграда. Бабушка по матери Мария Антоновна вскоре вышла замуж за внука К.Э. Циолковского – Всеволода Вениаминовича Костина, инженера-электрика. С ними и их многочисленной родней я проводил в Калуге почти все школьные каникулы – лет до пятнадцати. Эта среда была по-настоящему партийной, с легким налетом идей Вернадского – Чижевского. Брат и две сестры приемного деда были активистами околосмической среды. Естественно, четверо помянутых внуков Циолковского отличались железобетонной уверенностью в своем идейно-житейском «смысле бытия». Я пытался спорить, но самоуверенные старики слушали других даже меньше, чем отцовская компания «технократов».

Но вернемся к моей идейной «предыстории». Лет в 10–12 я прочел много атеистической литературы, в том числе весьма серьезной – покупал ее в магазинах типа «Политическая книга» и самостоятельно изучал. До сих пор помню сборник «Черный туман» в пугающей обложке и брошюру «Воину о вреде религии». К 13 годам объем околорелигиозных знаний у меня был, наверное, побольше, чем у «профильных» школьных учителей. Однако я так и не мог решить, верующий я или нет.

Все изменилось почти «случайно». Поздней весной 1981 года мы плавали на резиновой лодке по Москве-реке в районе Рузы с приятелем отца, ученым и конструктором Олегом Антониновичем Челноковым, и его сыном Игорем. Мне было 12 лет, Игорю – лет на пять побольше. Вели разговоры о политике и религии. Игорь, например, рассказывал мне, что власть Патриарха всея Руси передается по наследству. В конце концов я начал расспрашивать, где «достать» модный по тем временам крестик – в советской печати как раз клеймили эту моду как несознательную.

– А ты сходи, – неожиданно буднично ответил Игорь, – в Елоховскую церковь у метро «Бауманская». Где свечи, там же и крестики.

– Прямо так и сходить? А туда пускают?

– Всех желающих. Открываешь дверь и заходишь.

Игорю я не сразу поверил, но, как оказалось, дальнейшее было делом техники. Через пару недель, преодолевая некоторый страх, я стоял у дверей тогдашнего Патриаршего собора – Богоявленского храма в Елохове. До того я решился заглянуть в храм лишь один раз. Это была Никольская церковь в Калуге. Дальше созерцания свечей и полумрака через дверное стекло дело не пошло. В этот же раз я открыл-таки дверь собора и подошел к «свечному ящику» – лавке, где предлагаются свечи, иконки и крестики. Женщине, которая там работала, я до сих пор благодарен за внимательное, доброе отношение к случайному юному «захожанину», пришедшему явно без одобрения родителей. Напомню: это был 1981 год, разгар «брежневского» времени, все еще довольно сурового. Я сразу же попытался расспросить, что надо делать в храме. Узнал, что скоро будет «служба» – дело для меня на тот момент совсем непонятное. Купил крестик, решил остаться.

Когда началась вечерняя служба – будничная, в приделе, – я понял: я хочу оставаться здесь всегда! Почему так произошло – я не знаю. Верю: Господь тогда коснулся меня. В Елоховский собор с того момента я начал ходить практически каждый день. Познакомился со сторожем Александром Гараниным, получил от него первую «информацию» о службе и храме. Выпросил у старосты Николая Семеновича Капчука церковный календарь – до сих пор его храню. Потом начал общаться с отцом Вячеславом Марченковым – на тот момент, пожалуй, младшим священником в соборе. Сказал ему, что буду поступать в семинарию, чем немало его удивил. Наконец, попросил меня крестить. Наглость это по тем временам была неслыханная. Крестить подростка без разрешения родителей – значило навлечь на себя большие неприятности. Отец Вячеслав прочел надо мной чин оглашения – уже готов был и крестить, но я решил не «подставлять» священника. Чуть больше месяца я был оглашенным – человеком, готовящимся к принятию Крещения. В соборе шутили, постоянно напоминая мне древние слова «оглашении, изыдите». Этими словами в древности провожали из храма готовящихся ко Крещению перед началом главной части литургии, к которой их не допускали. Впрочем, я оставался на многие службы, включая Патриаршие литургии. Моей «катехизацией» было постоянное приставание к Александру Гаранину, отцу Вячеславу, алтарникам и женщинам-свечницам с вопросами. Вскоре появилась возможность брать на время книги.

В июле я приехал в Калугу и тут же начал ходить в храм, один из двух действующих на тот момент, Георгиевский собор. Сразу же познакомился там с отцом Валерием Суслиным, только что рукоположенным священником-москвичом. Для Калуги тех лет такой священник был явлением редким, но не неожиданным. В Москве рукополагали либо детей священников (до сих пор сохранились потомственные «кланы»), либо людей невысокого социального происхождения. Многие молодые люди из интеллигентных семей ехали в провинцию – там рукоположиться было попроще. Отец Валерий меня и крестил практически сразу, по собственной инициативе, в номере гостиницы «Ока», где жил. Уже следующим вечером я пытался петь на «левом», непрофессиональном клиросе – без особого, правда, успеха. Через несколько дней меня с него выгнали – не за вокальные данные, а потому, что бдительные товарищи сообщили о юном «неместном». Однако храм посещать мне запретить никто не мог – даже в советское время. Между прочим, в постсоветское, лет десять назад, некоторые чиновники хотели наказывать духовенство за присутствие в храме несовершеннолетних без согласия родителей.

Расскажу вам такой исторический анекдот из недавнего прошлого. Есть один государственный чиновник, который предложил в свое время идею, возможно, имеющую шанс вам понравиться, но для меня достаточно дикую. Он предложил ввести административное наказание за «невоспрепятствование» участию несовершеннолетних людей в религиозных обрядах и церемониях без согласия родителей.

В советское время этого не было. С 1981 года, с 13 лет я ходил в храм без согласия родителей – мать была скорее против, отец был против категорически. И в советское время все-таки я имел эту возможность. Сейчас предполагалось этой возможности несовершеннолетних лишить и, более того, обязать священника воспрепятствовать участию несовершеннолетнего в богослужении, если нет согласия родителей, причем в какой форме должно быть согласие родителей, в поправке в закон сказано не было.

Я периодически спрашивал своих студентов: «Представьте себе социальный портрет, религиозный портрет этого чиновника. Кто это? Атеист советского типа или антиклерикал нового типа? Человек, который ненавидит христианство?» Самые разные обычно ответы студенты давали: «Да, наверно, советский чиновник коммунистический» или «Какой-нибудь новый антиклерикал». Нет, господа! Это человек, которого вы очень часто

видите за богослужением, даже облаченного в стихарь, в том числе в том храме, где я служу.

Из интервью членам фонда «Здравомыслие», январь 2014 г.

Калужские службы и посиделки были потрясающим опытом. В храме были одни бабушки – вплоть до 90-х годов. А в алтаре и на клиросе – московская интеллигенция (и немного местной). Эти люди были совсем не похожи на рафинированных и политкорректных «глянцево-гламурных православных» следующих десятилетий, то есть тех, кто в 80-е годы был образцовым комсомольцем и пионером. Московско-калужские неофиты держали дома «тамиздат» Русской Зарубежной Церкви, заксеренный до нечитаемости. Они не боялись говорить равно критически и о советской власти, и о западной. Носили в сумках портреты Императора Николая II. Называли февраль 1917 года «масонским переворотом». Любили выпить – я не раз сживал с ними в калужских ресторанах и на съемных квартирах, где они ютились с семьями, приехавшими из Москвы. Пели белогвардейские песни. Могли подойти в троллейбусе к зачуханному совслужащему, ласково взять его за грудки и сказать: «Пойдешь с нами бить красную сволочь?» В общем, немного резвились, чувствуя – уже тогда – свое полное превосходство над советской системой.

Проводя время вместе с этой компанией, я взахлеб читал «тамиздатские» книги и журналы, спрашивал отца Валерия и прочих обо всем на свете, учился читать по-церковнославянски, заговаривал о вере с малознакомыми людьми и многих побуждал прийти в храм. Над всем происходившим парил авторитет владыки – архиепископа Калужского Никона (Фомичева), человека еще дореволюционного воспитания. Владыка Никон, человек на тот момент весьма пожилой и несколько отстраненный от текущих событий, очень любил богослужение, старался говорить за службой по 2–3 краткие проповеди, а главное – прикрывал горячую московскую молодежь и рукополагал ее. Владыка навсегда запомнился мне своей манерой произносить ектении – краткие молитвенные прошения (что архиерею вроде как вообще не по чину) – неспешно, проговаривая каждое слово. До сих пор этой манере стараюсь следовать. Вскоре после прихода молодых москвичей в церковную Калугу архиепископа Никона перевели в Пермь, а через полтора года отправили на покой. Он тихо доживал в Петербурге, иногда служил во Владимирском соборе. И если в Калуге я с ним общался лишь кратко, то в Питере мне удалось несколько раз его посетить и записать интервью для «Журнала Московской Патриархии». Смелый и сильный был человек. И очень рассудительный.

В Калуге дело дошло до того, что как-то на Пасху приехала милиция, окружила весь храм, и, что самое возмутительное, пришли комсомольцы с собаками – стоят около ворот, и у каждого овчарка. Когда я пошел на крестный ход, выхожу из собора, смотрю: люди столпились у ворот, даже во двор никого не пускают... Говорю:

– Пропустите всех!

Пропустили, а потом опять закрыли вход. Тогда я в полном облачении подошел к милиционерам. Овчарки лают, рвутся с поводков.

– Что вы делаете? – говорю милиционерам. – Уберите собак!

– Это не наши собаки, – отвечают мне.

– А чьи же?

В ответ – молчание. На следующий день вызывает меня уполномоченный. – Николай Васильевич, – спрашивает, почему вы так поступаете?

– А вы как поступаете? Мы что, военнопленные, чтобы окружать нас конвоем с собаками? Мы такие же советские люди, нам разрешено молиться в

храме, и мы не хотим совершать богослужение под аккомпанемент собачьего лая...

С тех пор с собаками не приходили. Но беззакония все равно продолжались.

Из интервью архиепископа Никона (Фомичева) Всеволоду Чаплину. «Журнал Московской Патриархии», июнь 1990 г.

Уже к концу года я всю втянулся в московскую православную жизнь – формальную и неформальную. Пришел в храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке (Брюсов переулок, тогда улица Неждановой), там познакомился с митрополитом Питиримом (Нечаевым) и его помощниками – Иваном Сиротой, Виктором Казанцевым, диаконом Николаем Моисеевым... Начал заходить в Издательский отдел Московского Патриархата – только что появилось новое здание на Погодинской. Парой лет позже довольно регулярно стал ходить в Новодевичий монастырь, где доньше служит митрополит Ювеналий (Поярков). Несмотря на всю осторожность тогдашнего духовенства, со многими священниками удавалось говорить – с кем-то кратко, с кем-то подолгу. Бывал дома у отца Валерия Суслина, которого тогда отстранили от служения в Калужской епархии и отправили за штат. Учился у него печатать на машинке – переписывал «самиздат».

Всю первую половину 80-х приезжал к отцу Димитрию Дудко – священнику-диссиденту, который незадолго до этого был выпущен из заключения. Ценой этого стало заявление по советскому телевидению, текст которого опубликовали в «Известиях», а затем в атеистических брошюрах под заголовком «Запад ищет сенсаций». Отец Димитрий тогда сказал о своей лояльности советской власти и о том, что зарубежные центры злоупотребляли его именем и его словом. Многие диссиденты его осудили, шел тихий ропот и среди духовенства. Но один смелый и честный священник мне сказал: «Слушай, ты можешь себе представить сейчас еще одну проповедь по телевизору?» Кстати, время показало: отец Димитрий и после наступления религиозной свободы относился к Западу довольно критически и даже примкнул к радикальным антизападным силам. Впрочем, в годы моей юности проповеди отца Димитрия продолжали звучать по «Голосу Америки» и другим «вражьи» радиоканалам.

Я, конечно, очень хотел познакомиться с этой легендарной личностью. Приезжал пару раз в подмосковное село Виноградово, где отец Димитрий тогда служил, но не мог его застать. В третий или четвертый раз встреча состоялась – и я был буквально потрясен тем, что известный диссидент, который по определению должен был с недоверием относиться к людям, оказался совершенно простым и доступным человеком. Я не раз у него исповедовался, сопровождал его на прогулках, а главное – участвовал в беседах, которые он проводил по воскресеньям в маленькой комнате при храме, а в один из будних дней каждой недели – на квартирах у духовных чад. Своей известностью и своим «компромиссом» с советской властью отец Димитрий завоевал право делать то, что для многих других священников было просто немыслимо, – практически открыто собирать народ, включая диссидентствующую интеллигенцию.

Беседы проходили так: накрывался чай, звучала молитва, потом отец Димитрий что-то говорил на «заявленную» тему (праздники, пост, модные тогда увлечения восточными культурами, наука и вера) – и начинались вопросы и реплики. От первоначальной темы довольно быстро уходили. Говорили о положении в мире, об истории, о будущем России... Споры велись нешуточные, очень сказывалась разница в образовательном уровне и жизненном опыте участников бесед – а приходили практически все желающие, никакой системы «свой-чужой» не было. Но заканчивалось все общей молитвой – и это в корне меняло обстановку в конце встречи. Собравшиеся пели несколько общеизвестных песнопений, отец Димитрий произносил сугубую ектению, за которой поминал и присутствующих, и их родственников, и узников совести. Люди, только что до хрипоты спорившие друг с другом, становились одним целым. Подобные беседы я сам начал проводить несколько лет назад. Провожу и сегодня.

В те годы я жил, где и сейчас – в Гольянове, на северо-востоке Москвы. В 9–10-х классах школы нас гоняли раз в неделю на УПК – учебно-производственный комбинат, где без особого успеха учили рабочим специальностям. Я обычно эти занятия прогуливал и приходил на литургию в ближайшие храмы. Их тогда на 200-тысячный северо-восточный сегмент Москвы было три: церковь Илии Пророка в Черкизове, церковь Рождества Христова в Измайлове и уникальный разделенный надвое Никольский храм на Преображенском кладбище, где главный престол – у старообрядцев-поморцев, а два придела – у нашей Церкви. Там я исповедовался у только что рукоположенного отца Владимира Воробьева, нынешнего ректора Свято-Тихоновского университета. В Рождественском храме – у отца Леонида Ролдугина, которого знал еще по Брюсову переулку, и отца Вячеслава Винникова, мудрых и очень трезвомысленных пастырей. Часто ходил я и на Антиохийское подворье – к отцу Вячеславу Винникову, которого туда перевели из Измайлова, и отцу Сергию Булатникову, очень радушному и доброму священнику, собиравшему вокруг себя молодежь.

Вокруг нескольких московских храмов – и не только православных – тогда сложилась немногочисленная, но яркая компания молодых людей. Главными центрами притяжения были Брюсов, Антиохийское подворье, костел Святого Людовика на Малой Лубянке и синагога. Иногда заходили в молитвенный дом баптистов. Компания, естественно, была многонациональная, многоконфессиональная и даже многорелигиозная (напомню, что слово «конфессия» означает «вероисповедание» и применяется только в христианстве; оно никак не означает «религиозная община» – это уже чиновничий новояз; когда мы говорим о христианстве, исламе, иудаизме – это не «конфессии» и не «мазхабы» – это разные религии).

В упомянутую компанию – вернее, в разные ее сегменты – входили люди, чьи жизненные пути потом сложились очень по-разному. Это Григорий Алфеев, нынешний митрополит Иларион, Алексей Пузаков, сейчас руководитель Московского Синодального хора, Сергей Белавенец, ныне иеромонах Никон, Олег Стеняев, сначала пятидесятник, а потом священник, сильный в полемике с протестантизмом, Сергей Кондаков, рукоположившийся в провинции и потом возглавивший протестную ультраконсервативную группу «ижевских отцов», Михаил Макеев, Михаил Анашкин и Александр Лобазов, ушедшие в неканонические сообщества, Хенрик Телеман, ставший ксендзом в Белоруссии, Кирилл Попов, остающийся до сих пор классическим диссидентом, Юрий Шубин, наивный юноша, ставший бизнесменом, Юрий Агещев, enfant terrible богемных и хипповских посиделок, а затем один из лидеров ультраконсервативного крыла православной общественности 90-х годов, Алексей Козырев-Яковлев, бывший военный переводчик, а ныне классический московский анахорет, польские студенты, близкие к идеям «Солидарности», молодые иудеи, потом уехавшие в Израиль и Америку... Всех не перечеислишь.

День в первой половине 80-х мог, например, сложиться так. Прогуляв школу или удрав из нее пораньше, можно было подъехать в середине дня на Чистые пруды. Там в кофейне ресторана «Джалтаранг» уже с одиннадцати утра тусовались хипы. Можно было выпить кофе, поговорить о пагубности хипизма и о грязных волосах окружающих людей. Если не получишь за это в морду, то около двух-трех часов дня можно было двигаться дальше. Например, в одну из пивных на Покровских воротах, в это время туда уже подтягивалась какая-то часть юной интеллигенции, с которой можно было поговорить о ядерной войне. И о том, кто будет после Черненко. И о том, приедет ли в Россию и сколько еще проживет Солженицын, и что он еще напишет. Потом можно было идти на службу либо в Антиохийское подворье, либо в Брюсов. Там собиралась своя публика.

С этой публикой мы ходили по Красной площади взад-вперед, огибая собор Василия Блаженного, и говорили. В основном опять же о политике, но часто и о практике молитвы, о языке богослужения, о возможности или невозможности реформ в Церкви. Метро закрывалось в 1.15, в это время нужно было вскочить в последний поезд и поехать домой. Более широкая

тусовка периодически перемешивалась с хиппи, которые сидели на Чистых прудах, на Гоголях и на Арбате, посещала пивные на Покровских воротах, там их было три. Если вдруг у кого-то оказывалось аж десять рублей, могли пойти в более чинное заведение и выпить водки. А так в основном ходили по бульварам и переулкам и говорили, говорили, говорили... О том, что будет с Россией, о том, что происходит в военно-политической сфере, – тогда все еще была актуальна возможность ядерного конфликта между СССР и США. Обсуждали будущее диссидентов и советской власти, спорили, можно ли найти что-то человеческое в таких фигурах, как Черненко, Андропов, Горбачев. Как раз тогда начался период быстрой смены государственных лидеров, умер Брежнев... Кончину Брежнева мы обмывали с евреями возле синагоги.

С хиппи я познакомился в середине 80-х годов – их тогда в Москве становилось все больше. Мой внешний вид радикально не соответствовал их субкультуре – летом я ходил в белой рубашке с галстуком, зимой – в классическом пальто и, по признанию своих друзей-неформалов, держался «как памятник». В руках обычно был кейс, правда в нем прятались бутылка или две. Так или иначе, первоначально хиппи всегда принимали меня за комсомольца-стукача. Впрочем, после разговоров о власти и «цивильном» народе и особенно после распития бутылок отношения налаживались. Религиозные искания хипов были чуть ли не основной темой их разговоров. Почти все из тогдашней тусовки к 90-м годам стали христианами – например, тот же Юра Агешев, Сергей Чапнин, один из хиповских гуру Никодим Углов. С хиппи пытались «работать» баптисты, но ничего не заработали – большинство стало православными, часть католиками, небольшая группа прибилась к иудейской общине.

Попадались в культовых заведениях – особенно там, где бывали иностранцы, – и фарцовщики, и торговцы «тамиздатом», и девушки либо юноши нетяжелого поведения, и наркоманы, и полудиссиденты-полустукачи, и просто воришки, и люди с тяжелейшими психическими расстройствами. Всякого народу хватало. Вспоминаю одного легендарного попрошайку – Игоря Ноткина. Человек был по тем временам весьма небедный (мы, по крайней мере, без проблем стреляли у него на пиво). Он любил стоять – в грязном белом костюме и мятой шляпе – у Антиохийского подворья и, как бы сейчас сказали, троллить зарубежных дипломатов примерно такими репликами:

«Подайте на пропой души»!

«Ну десяточку долларов, на Русь Святую... А вот, давай, спаси ж тебя Господи, вовек не забуду твою доброту».

«А ты, а ты? Нет десяточки? Ну спаси ж тебя Господи, чтоб у тебя все отсохло».

Большая часть собранного немедленно спускалась в ближайших пивных и ресторанах с приглашением практически всех желающих.

Впрочем, тогдашняя религиозная молодежь не только веселилась. Обычным делом, например, было уже мной описанное хождение по Красной площади после вечерней службы – с бесконечными разговорами о судьбах России и мира, о пророчествах и смысле Писания, о речениях старцев, о политическом устройстве страны после падения коммунизма и советской власти. Самое удивительное, что году к 1983-му все уже понимали, что ей конец, что «власть слабая», – эти слова стали у нас общим местом в разговоре. Очень много было тогда переговорено – два-три раза в неделю ходили мы по самому ненавистному для диссидентов месту, обсуждая их повестку дня и то, что волновало советскую власть. Незаметно ни для первых, ни для второй. Но с пользой для себя. Иногда и молились – в том числе за обитателей Кремля!

Многие были склонны прежде всего к саможалению и самокопанию и не видели за этим ни Бога, ни людей. Некоторые просто жили по принципу «перекаати-поле». Иные предавались бесконечному поиску, за которым ничего не следовало. Кто-то погряз в пороках. К сожалению, большинство тогдашних активных верующих молодых людей из московской интеллигентской богемной среды куда-то потом исчезли. Кто-то ушел в другие религии и конфессии,

прежде всего в католицизм и иудаизм. Кто-то потерял веру. Очень многие уехали в другие страны – в Западную Европу, Соединенные Штаты, Израиль. Думаю, что уехало около половины. Кого-то нет в живых. Если говорить о хиппи и более молодом поколении середины 80-х, немалая часть этих людей скончалась от наркотиков. Кто-то из исчезнувших потом вдруг опять появился на горизонте, как Юра Шубин, московский предприниматель. Он сейчас активно участвует в движении поддержки строительства храмов. Несколько человек начали странствие по конфессиям и юрисдикциям, как, например, талантливейший Миша Макеев. Кто-то ушел в бизнес и перешел на «стихийный атеизм». Это очень серьезное предупреждение для сегодняшней креативной молодежи: нетвердость и кризис призвания, которые могут казаться милым приколом в пятнадцать-двадцать лет, в сорок или пятьдесят часто оборачиваются жизненной трагедией, состоянием опустошенного и разрушенного человека.

Из интервью порталу «Православие и мир», декабрь 2015 г.

Тогдашняя наша тусовка была миром настоящего религиозного плюрализма. Естественно, я задумывался: а правильно ли выбрал Православие? Часто ходил воскресными вечерами на католическую службу к Святому Людовику – туда же подтягивались многие православные друзья. В течение года-двух довольно регулярно заглядывал к баптистам, а однажды вместе с Олегом Стеняевым даже к полузапрещенным тогда пятидесятникам в Косино. Несколько раз был на старообрядческих службах разных согласий. В общем, выбор был. Но однажды я поделился своими сомнениями с митрополитом Питиримом, и он сразу же спросил меня:

– А Бог у тебя где?

– В православном храме, – ответил я.

И на этом поиски были закончены.

В школе я о своей вере до времени не говорил. Правда, кто-то меня видел в храме, с кем-то из одноклассников я периодически обсуждал религиозные темы. В какой-то момент, в восьмом классе, заслуженная географичка Галина Васильевна Тургенева попыталась вызвать меня на откровенность – прямо во время урока. Я понял, что уходить от ответа будет нечестно, вышел на учительскую кафедру и сказал проповедь. Позитивным итогом ее было то, что не пришлось вступать в комсомол (попытался выйти даже из пионерской организации, но такого беспрецедентного скандала школа себе позволить не могла). Негативным – то, что после восьмого класса пришлось переводиться в другую школу, где я, впрочем, хорошо прижился и где своей веры почти не скрывал.

Мать мое обращение к Богу пережила спокойно, лишь иногда сокрушаясь о неопределенности моего житейского устройства. Отец воспринял мою веру в штыки. После некоторых бесплодных споров и попытки выяснить отношения на кулаках я прервал с ним общение – практически до его кончины.

Году к 1984-му я уже прекрасно знал церковную жизнь – формальную и неформальную. Читал каждый номер «Журнала Московской Патриархии», «Богословских трудов», баптистского журнала «Братский вестник», в редакцию которого регулярно заходил. Прочел кучу «сам-» и «тамиздата», включая католическую литературу. Познакомился со многими священниками и архиереями – для последних иногда делал фотоработы и даже составлял письма в органы власти. Конечно, знал обо всех теневых сторонах церковной жизни – благо сплетников в среде духовенства и мирянского актива хватало уже тогда, как хватает сейчас. Знал про стукачей, «голубых», пьяниц, транжир, спекулянтов, сумасшедших...

Но самое удивительное было в том, что христианская среда, со всеми ее пороками и кривдами, в моих глазах выгодно отличалась от среды советской – замшелой, самоуверенной, неискренней. В школьных классах и с телеэкрана нас потчевали железобетонной советской идео-

логией, но почти никто в нее не верил. Отец и его окружение открыто ругали власть, хотя всей их альтернативой был утопический лозунг «Власть науке». Глядя на них, легко было понять, что никакой властью эти люди быть не в состоянии. Когда умер Брежнев, школьники на траурной линейке еще молчали в почтительном ужасе. Когда умер Андропов – разговаривали. Когда умер Черненко – хихикали. Году в 1984-м я задал на уроке «смелый» вопрос.

– Елена Ивановна, правильно Ленин сказал: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны»?

– Правильно. И что ты, Чаплин, опять тут нашел неправильного?

– Советская власть у нас есть, электрификация всей страны – тоже. Коммунизм хочу!

Класс хохочет (еще до всяких ускорений и перестроек).

– Ну, есть еще у нас села без электричества. И вообще не умствуй!

При этом сама тоже почти смеется.

В церковной среде и в среде неформалов тебе тогда говорили правду. Некоторые части этой среды вообще жили так, как будто советской власти не было или как будто она готовилась исчезнуть через месяц-другой. Наконец, в этой среде на твои вопросы отвечали. Готовы были спорить, выяснять отношения, но никто не пытался, как в тогдашнем (да и нынешнем) официозе, считать вопрос «снятым» или «несуществующим».

А самое главное – мы жили верой. Четыре-пять раз в неделю участвовали в богослужениях, которые совершали лучшие московские архиереи и священники. Молились иногда даже в кафе и на улице – про себя. И знали: с нами Бог, перед Которым советская система со всей ее мощью была вдвойне смешна и жалка.

Урок на будущее

Не дай Бог нам – ни Церкви, ни стране – повторить бесславный путь советской элиты. Путь лицемерия, успокоенности, мещанства, «вещизма», как тогда ругали меркантильный образ жизни. Не дай Бог утратить веру и горение судьбы. Не дай Бог «снимать» вопросы – иначе молодые люди, пытливые, ищущие истины и жаждущие подвига, уйдут к террористам, убийцам и самоубийцам, уйдут в наркотики, разврат, опустошающие развлечения, которые убивают человека медленно, делая его несчастным юным стариком. Нужно на любой вопрос давать ответ. Любую проблему смело ставить и смело решать. Любую миссию взваливать на плечи. Иначе – смерть от теплостудности. Для Церкви и страны.

Юный бюрократ

Закончив школу, я практически сразу стал искать церковную работу. В семинарию поступать было рано – не исполнилось восемнадцати. В московские храмы несовершеннолетнему было трудно устроиться даже алтарником или сторожем – духовенство продолжало бояться властей. Читать и алтарничать вообще у меня к тому времени получалось только за пределами Москвы и даже Московской области – например, в селе Спас-Загорье под Обнинском, где служил знакомый мне по калужским посиделкам игумен Серафим (Олиферчук). Шестопсалмие, текст довольно длинный, я читал наизусть, причем никогда специально его не заучивал – псалмы просто запечатлелись в памяти за богослужениями. Сейчас, наверное, без тренировки не прочту...

В 1983 году удалось месяц-другой побыть иподиаконом архиепископа Владимирского и Суздальского Серапиона (Фадеева) – яркого архиерея, не боявшегося постригать и рукополагать молодых людей из разных регионов, в том числе из Москвы. Не все они, правда, выдержали испытание годами служения – некоторые ушли. Но многие сейчас стали архиереями и игуменами монастырей. Вскоре после моего появления во Владимире владыке позвонил уполномоченный Совета по делам религий (буферной организации, ответственной за контакты советской власти с религиозными общинами) и сказал, что я в стихаре во владимирских храмах появляться не должен. Откровенно говоря, другого я и не ожидал...

В 1985 году, после нескольких неудачных попыток куда-либо устроиться, я пришел к митрополиту Питириму. Тот после недолгой беседы предложил мне работу в Издательском отделе Московского Патриархата. Началась моя 30-летняя жизнь церковного бюрократа. Поступили мы в отдел вместе с Сергеем Мацневым, который впоследствии, как и я, стал священником. Сначала работали в экспедиции – оформляли документы, паковали книги и журналы для отправки в епархии. Разгрузишь три тонны тиража – никакой физкультуры не надо. Физическая форма у меня тогда была лучшей в жизни. Работали вместе с интересными людьми: половину составляли пожилые женщины родом из деревни, половину – интеллигенты-неофиты всех возрастов. Первые отличались молчаливой мудростью, вторые – постоянным желанием поговорить «о высоком». С ними мы за работой спорили о богословии, искусстве и политике. Первой в моей жизни подчиненной была Ольга Евгеньевна Лапковская, ныне монахиня Феодора. С ней мы постоянно вели либерально-консервативные дискуссии – я тогда был на либеральной стороне. Она ставила на редакционном диктофоне Окуджаву, я – Леннона. По этому поводу ругались особенно сильно, хотя и без настоящих ссор и глубоких обид.

Тонкая интеллектуальная прослойка в тогдашнем церковном организме во многом объединялась именно вокруг владыки Питирима – председателя Издательского отдела Московского Патриархата, главного редактора «Журнала Московской Патриархии».

В шестидесятые-восемидесятые годы деятельность единственного церковного издательства была каждодневной борьбой. Совет по делам религий при Совете министров СССР жестко ограничивал тиражи, номенклатуру и объем изданий, проверял «на мракобесие» каждую строчку журнала, требовал полного отказа от упоминания о чудесах и знамениях, от положительных оценок тех церковных деятелей начала XX века, которые противостояли революции и красному террору. Однако, даже находясь в жестких тисках, издательство смогло выпускать насыщенный мыслью журнал, издавать и понемногу распространять Библию, квалифицированно адаптировать богослужебную литературу.

Через Издательский отдел прошло несколько поколений церковных тружеников. Молодые люди с хорошим светским образованием, которым из-за кадрового диктата властей было трудно устроиться даже пономарями в московские приходы, принимались на работу в отдел или становились его внештатными сотрудниками – переводчиками, авторами, редакторами, – а затем поступали в семинарию и принимали священный сан.

Из статьи «Неприлично одаренный архиерей», «Независимая газета», ноябрь 2003 г.

На Погодинской, где располагался Издательский отдел, и в храме на Успенском Вражке, где служил владыка Питирим, довелось общаться со многими людьми, бывшими в тогдашней церковной жизни живыми легендами. В Брюсовом в качестве почетного настоятеля служил протопресвитер Виталий Боровой, уже очень пожилой человек. Многолетний сотрудник Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС), наблюдатель от Русской Церкви на Втором Ватиканском Соборе, автор многих церковных документов 60-х, 70-х и 80-х годов, он был еще и ярким проповедником. В Брюсовом он говорил подолгу и увлеченно, «на него» ходил свой контингент, мало пересекавшийся с «питиримовским». К сожалению, в последние годы жизни церковное начальство отца Виталия забыло, если не сказать – забросило. ОВЦС помогал, но довольно формально. Рядом были только один-два члена общины отца Георгия Кочеткова, которая почитала пожилого протопресвитера. Однажды, уже в последние месяцы его жизни, я посетил отца Виталия в больнице. Он не вставал, но был в сознании. Попросил меня рассказать новости.

- Все как обычно, – сказал я ему. – Вот завтра конференция с католиками.
- Когда? – крикнул глуховатый старец.
- Завтра.
- Когда?
- Завтра, отец Виталий.
- Я же спрашиваю: когда? Во сколько? Мне надо выступить.
- Отец Виталий, вам пока лучше в больнице побыть.
- Меня игнорируют! Мне не дают выступить!

Вот такая была воля к жизни, и такое горькое чувство – после десятилетий церковной работы.

Еще одна мощная фигура тех лет – архимандрит Иннокентий (Просвирнин), заместитель владыки Питирима по издательству. Это был настоящий фанатик церковной учености. Всю жизнь он собирал книги, рукописи, переснимал их на микро пленки, готовил публикации. Очень ревностно относился к богослужению. Требовал абсолютной тишины в алтаре, пономарям запрещал использовать за литургией больше одного кадильного угля. Мы, молодежь, его, конечно, побаивались, но, естественно, уважали. Аскетом он был «в квадрате, в кубе» – вальяжное приходское духовенство Москвы, не привыкшее себя ограничивать, за глаза называло его «вялым лещом», «змием», «шизом». Наверное, завидовали еще и тому, что человек этот был предельно честен с собой и с окружающими.

Помню поездку с ним в 1989 году в Гольяново, где тогда появилась робкая надежда на открытие храма святых Зосимы и Савватия. Отец Иннокентий был за рулем, ехал он по Москве на «Ниве» со скоростью 150 км/час, не особо разбирая светофоры и знаки. При этом батюшка развернулся ко мне и что-то увлеченно рассказывал. Конечно, остановила милиция. Архимандрит, так и не оторвав от меня взгляда и продолжая рассказ, отдал гаишнику свои права – солдатские, древнего образца, давно просроченные. Милиционер отдал честь и не сказал ни слова. Мы подъехали к храму, внутрь нас не пустили, и отец Иннокентий только сказал:

- Все будет восстановлено. Скоро. Я знаю.

Храм был возвращен Церкви через год, одним из первых, несмотря на то что время было еще совсем не благоприятное. Сейчас там один из самых сильных и многолюдных московских приходов.

Отца Иннокентия митрополит Питирим отправил восстанавливать Иосифо-Волоцкий монастырь. Там, спасаясь от пьяных рабочих с темным прошлым, тот выпрыгнул в окно келии и повредил позвоночник. Митрополит Питирим... сразу его уволил и прекратил общаться, будто и не было многих десятилетий совместного труда. Архимандрит доживал свой век в Новоспасском монастыре, где его пригрел наместник – отец Алексей (Фролов), впоследствии Костромской архиепископ. И в этой обители авторитет отца Иннокентия был совершенно непререкаем. Убежден: Бог прославил его в Своем Царстве.

* * *

Вернемся опять к моей юности. В 1986 году я начал иподиаконствовать у владыки Питирима – помогать ему за богослужением. Команда юных адъютантов митрополита была «звездная» – Георгий Шевкунов, нынешний владыка Тихон, Александр Булеков, сейчас архимандрит Филарет, Сергей Белавенец, сегодня иеромонах Никон, другие молодые люди, сейчас ставшие известными московскими священниками. Обычно мы помогали митрополиту в Брюсовом переулке, где он регулярно служил. Ездили с ним и в Елоховский собор, и в другие московские храмы, а главное – в Волоколамск и окрестности.

Такие поездки могли быть двух-трехдневными, и иподиаконская братия резвилась как могла. Разгоняться водочкой начинали еще в редакции, потом в «рафике» по дороге, уже с пением песен – сначала церковных, потом белогвардейских, затем советских, потом «общечеловеческих» вроде «Степь да степь кругом». Приехав в Волоколамск, начинали веселиться уже по-серьезному. Как-то в окрестностях Иосифо-Волоцкого монастыря закончили застолье часов в шесть утра, но уже в девять – к моменту начала литургии – встречали митрополита с неизменно серьезным видом, отутюженные и жизнерадостные.

Иподиаконские байки – особая часть церковного фольклора, немного похожая на байки армейские. Связаны они обычно с различными богослужебными ошибками, гневом архиерея, бравыми гулянками. Самая яркая история из моей иподиаконской жизни была такая. Однажды митрополит Питирим служил на Пасху утром в Елоховском соборе – ночью служил Патриарх Пимен, а поздняя литургия досталась нашему владыке. Утреню же он совершил в полночь, после чего иподиаконская братия немедленно начала разговляться по разным местам Москвы. Я поехал как раз к Елоховскому собору – в двух шагах от него действовал легендарный «салон Ольги Эйнаровой», первый этаж старого дома на Разгуляе, оставшийся хозяйке еще от дореволюционных предков. Там собирались художники, музыканты и вообще всяческая богема. В редких для советской жизни старых залах были и бильярд, и рыцарские доспехи – так что место привлекало многих, в том числе «творческих» прихожан собора, а таких было немало. Разговлялись часов до шести как минимум – дальше не помню, потому что уснул в кресле. В девять меня будит Юра Агешев:

– Спишь? Говорил, тебе на службу к девяти.

– Уже девять? – отвечаю словно бы во сне. – Не пойду. Сплю и спать буду.

Просыпаюсь. Справа иконостас, слева народ. Стою в стихаре с архиерейским жезлом на службе. Вроде все как обычно, только мысленно спрашиваю себя: «Как я сюда попал?» Через пару часов звоню Александру Кырлежеву – сотруднику Издательского отдела, которого краем глаза заметил в соборе.

– Александр Иванович, я что, более-менее правильно все делал? Я, собственно, спал, насколько понимаю.

– Ты же знаешь: иподиакон – это механизм, – ответил старший коллега. – Ты был только... хм... слишком сосредоточен.

* * *

Редакционная жизнь от иподиаконской сильно отличалась. Митрополит Питирим воспитывал сотрудников, особенно молодых, весьма и весьма жестко. Нам решительно подсказывали, с какой громкостью говорить в коридоре, какой походкой ходить, за сколько метров от входа в здание снимать шапку, не говоря уже об общих требованиях этикета и протокола. Школа на самом деле была прекрасная. Настоящая беда современной деловой культуры в том, что такой школы сегодня нет почти нигде, кроме МИДа и некоторых крупных компаний.

Еще более строгую школу я прошел как редактор. Работая в экспедиции, я начал писать кое-какие статьи для «Журнала Московской Патриархии». Каждый материал меня учили перерабатывать по три-четыре раза, несмотря на то что культура текста у меня изначально была довольно сносная – помогало чтение серьезной литературы с раннего школьного возраста. Перейдя в английскую редакцию, я «пробил» создание в «экспортной» версии журнала рубрики «Церковь и общество» – потом она появилась и в русском издании. Начал публиковать там то, что с трудом прошло бы в русском варианте. Писать и править тексты учился у очень требовательных людей – Павла Васильевича Уржумцева, отца Иннокентия (Просвирнина). За любую опisku или несурязицу они жестко ругали всех, включая маститых священнослужителей.

Каждая статья в журнале проходила нескольких редакторов и обычно не раз переделывалась. Работа в издательстве научила меня практически к каждому тексту подходить очень скрупулезно, правя любые ошибки и опечатки, что называется, «в автоматическом режиме». И неважно, что за документ или что за материал перед глазами – проект эпохального церковного документа, ответ простому человеку или заметка-однодневка. Нужно не просто держать марку, но ответственно относиться к слову. Сами понимаете, как коробит меня сегодня наглый отказ от какой бы то ни было культуры текста – вплоть до разговоров о том, что грамотно писать вообще «старомодно» и «непрактично».

Одна неофитствующая дама написала для «Журнала Московской Патриархии» заметку о церковном празднике: «Светило ясное солнышко, малиново звонили колокольчики, по обители чинно шли батюшки, старушки кормили хлебушком голубочков». Митрополит Питирим, которому дали посмотреть этот материал, наложил на нем предельно краткую резолюцию: «Тьфу!»

Из книги «Лоскутки», 2007 г.

В Издательском отделе подобрался уникальный коллектив. Наряду с «системными» церковными людьми генерации 60-х и 70-х годов там работали молодые и среднего возраста сотрудники с хорошим образованием и удивительными деловыми качествами. Эти люди могли бы сделать блестящую советскую карьеру, но, отказавшись от нее, именно в церковной среде по-настоящему раскрылись – ведь знали, ради Кого трудятся. Они чувствовали себя настоящей элитой – не той, которая заседала на партийных собраниях, а хранящей посреди СССР подлинную Россию. Конечно, не обходилось и без закрытости, и без гордыни. Чтобы войти в круг общения «мэтров» тогдашнего Издательского отдела, надо было пройти жесткую систему отбора «свой-чужой», и даже после этого к тебе долго присматривались.

Впрочем, все начало стремительно меняться после 1988 года – времени празднования 1000-летия Крещения Руси. Пришлось быстро наращивать массив фото-, видео- и аудиопро-дукции, появилась газета «Московский церковный вестник» – сначала в виде «рекламного»

издания для иностранцев на шести языках, а вскоре – уже в качестве «боевого» печатного органа, не стеснявшегося поднимать острые церковные проблемы вроде возможности современного богослужебного языка или пикетов против перевода архиерея в другую епархию. Некоторые тогдашние материалы были смелее многих сегодняшних, хотя «перестройка» коснулась Церкви гораздо позже, чем страны, – в религиозной среде люди, наученные горьким опытом, не очень верили в перемены «сверху», да и чиновники, отвечавшие «за религию», были особенно косными.

* * *

Святейший Патриарх Пимен медленно угасал. Все ждали, что будет дальше. Как водится в таких случаях, сплетники обсуждали различные политические сценарии выборов нового Предстоятеля. Однако после кончины Патриарха 3 мая 1990 года власть благоразумно предпочла не вмешиваться в процесс выборов – по крайней мере, открыто и грубо. Местоблюстителем Патриаршего Престола, то есть фактическим руководителем Церкви, был избран митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко), Экзарх Украины. Он уже и до этого фактически председательствовал в Синоде – Патриарх либо отсутствовал, либо сидел молча. Избрать Филарета могли только под жестким давлением власти и только открытым голосованием – слишком многие его боялись, особенно украинские архиереи, которых тогда была пятая часть (сейчас более четверти). Филарет наверняка рассчитывал именно на открытое голосование – как в 1971 году, когда каждый архиерей, вместе с одним представителем от духовенства своей епархии и одним же представителем от мирян, вставал и говорил: «Я, клир и паства Н-ской епархии избираем Патриархом Московским и всея Руси Высокопреосвященнейшего Пимена, митрополита Крутицкого и Коломенского». Других имен не прозвучало ни разу.

Филарет был практически уверен в успехе, тем более что его заверили в поддержке некоторые государственные деятели. Однако в Церкви его тихо ненавидели, особенно на Украине. Еще в начале 1980-х годов священники рассказали мне, что это «женатый монах». Сам я столкнулся с ним всего несколько раз, но всегда впечатление было отталкивающим. Как-то пришлось у него иподиаконствовать во время церковных торжеств. На службе он был груб, не поздоровался, не попрощался, не спросил даже, как зовут. Довелось быть в качестве церковного журналиста на нескольких мероприятиях, где он участвовал. Больше всего запомнилось заседание Центрального комитета Всемирного совета церквей (ВССЦ) в Москве в 1989 году. Филарет возглавлял делегацию Русской Церкви. Вел себя, как обычно, надменно, приходил только на «главные» сессии, в дискуссии не вступал.

Впрочем, один раз подискутировать пришлось – во время пресс-конференции. По Москве тогда ходили с плакатами сторонники легализации Украинской греко-католической церкви – ее еще называют униатской. В 1946 году часть ее присоединилась к Православию – некоторые люди добровольно, некоторые под давлением властей. Часть ушла в подполье. Пикет униатов стоял и у Центрального дома туриста, где заседал ЦК ВССЦ. Кто-то из западных журналистов спросил Киевского митрополита, что он об этом думает.

– На территории Советской Украины, – железным тоном отчеканил Филарет, – униатской церкви нет. Есть пособники фашистов, которые удрали в 1944 году с немецкими захватчиками.

– А кто вот эти люди, которые стоят на улице? – переспросил журналист.

Лицо Филарета никак не изменилось.

– Я вам еще раз говорю, – еще тверже произнес он. – На территории Советской Украины униатской церкви нет.

Последнее слово было сказано тоном, не предполагавшим продолжения дискуссии. Точно тем же тоном года через два Филарет клялся в дружбе униатам и рассказывал прессе, как он вместе с ними боролся против советской власти.

Киевский митрополит стал Местоблюстителем Патриаршего престола и председательствовал на Поместном Соборе 1990 года, созванном для избрания Патриарха. Вел он себя весьма авторитарно. Когда выдвинули кандидатом в Патриархи главу нашей епархии в Лондоне – митрополита Сурожского Антония (Блума), – он сослался на норму тогдашнего устава о том, что Патриарх должен быть гражданином СССР. Кто-то из архиереев – как помнится, архиепископ Максим (Кроха) – предложил поменять устав, на что Поместный Собор имел полное право. Филарет грубо лишил его слова.

Однако первый тур тайного голосования обескуражил Местоблюстителя. За митрополита Ленинградского Алексия (Ридигера) было подано 139 голосов, за митрополита Ростовского Владимира (Сабодана) – 107, за Филарета – только 66. Владыка Антоний (Блум), возглавлявший счетную комиссию, подал бумагу с результатами подсчета Филарету как председательствующему. Никогда не забуду взгляд, которым тот обвел собравшихся – взгляд, полный удивления и ненависти. Во втором туре с перевесом в 23 голоса победил митрополит Алексий. Вскоре после избрания Патриарха мы в холле гостиницы пили чай и что-то покрепче с архиепископом Кировским Хрисанфом, уроженцем Украины, который при Филарете избегал даже посещения родных мест – Экзарха он не любил, но признаться в этом боялся. Мимо шел недавний Местоблюститель.

– Владыка, – подавленно, но твердо спросил он, – а ты-то за кого голосовал?

– Ну уж, конечно, не за вас, – собрав всю волю в кулак, ответил архиепископ могущественному «собрату».

Смерив его и всех окружающих коротким злым взглядом, проигравший удалился.

К сожалению, тяжело пережил избрание Патриарха Алексия и митрополит Питирим. Его надежды на патриаршество были скорее иррациональны, но, судя по всему, он их тайно лелеял. Деятельность новоизбранного Патриарха практически перестала освещаться в церковной прессе, которой руководил владыка Питирим. В скором времени архимандрит Дионисий (Шишигин) предложил мне сопровождать Патриарха на мероприятиях и писать информационные материалы. Я, естественно, попытался спросить на это разрешения у митрополита. Тот недвусмысленно дал понять, что видеть меня рядом с Патриархом Алексием не хочет.

Становилось понятно, что из Издательского отдела надо уходить, причем как можно скорее. Вскоре появилась возможность поговорить с председателем Отдела внешних церковных сношений архиепископом Кириллом (Гундяевым), нынешним Патриархом. Тот предложил немедленно переходить к нему, и буквально на следующий день я так и поступил. К сожалению, Издательский отдел все больше становился системой, работавшей только на своего руководителя, – «параллельной реальностью».

В ОВЦС я поначалу занимался тем же, чем и раньше – писал и редактировал заметки для информационного бюллетеня. Вскоре занялся и составлением различных более «серьезных» документов – тезисов для выступлений начальства, проектов документов Синода, Соборов... Учителя у меня были очень достойные: сам архиепископ Кирилл, вскоре ставший митрополитом, ответственный секретарь отдела Алексей Сергеевич Бувский, автор или редактор большинства церковных документов на общественные темы 60-х – 80-х годов, Борис Борисович Вик, переводчик и любимец журналистов.

У двух последних церковных тружеников я научился очень важному принципу: нет второстепенных дел, нет неважных людей. Ты должен одинаково внимательно говорить и с Патриархом, и с юродивым, и со старушкой, которая пришла с не вполне адекватным вопросом. Ты не имеешь права откладывать ответ на письмо простого человека ради документа «эпохальной важности» – и качество текста в обоих случаях должно быть одинаковым. Ты служишь не только начальству и даже не только Богу – любому, кто к тебе обращается, даже если это, положим, враждебно настроенный журналист. Ты не имеешь права не давать ответа человеку, который тебя о чем-то спрашивает. Увы, сегодня многие в церковной бюрократии

даже отдаленно не придерживаются такого подхода к людям. Нормой становятся увиливание от вопросов, молчание по важнейшим, но «опасным» темам, отказ в реакции на поднимаемые людьми внутрицерковные проблемы или просьбы о ходатайстве перед властями. Любой человек достоин внимания – ведь он ценен в Божиих очах. Никогда не надо встречать его ни молчанием, ни лицемерием.

Церковь – не только через пастырей, но и через мирян, пусть и принадлежащих к разным слоям общества, – призвана объединять и примирять, даже тогда, когда люди настойчиво требуют общаться по преимуществу именно с ними и презирать других. Мне Господь даровал великую милость – иметь возможность говорить и с сильными мира сего, и с самыми простыми людьми, с «левыми» и «правыми», консерваторами и либералами, представителями разных национальностей, вер и культур. Часто приходится слышать: «А что у вас общего с этими...» (фашистами/жидомасонами, бомжами/новыми русскими, солдафонами/психами-пацифистами, политиканами/интеллигентами)? Наверное, что-то общее есть. С каждым из них. И есть пример апостола Павла, который «для всех... сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22).

Из книги «Лоскутки»

В 1988 году, еще продолжая работать в Издательском отделе, я поступил в Московскую духовную семинарию, через два, закончив ее, – в академию. Числился на очном отделении, но, по сути, обучался заочно – посещал некоторые лекции, читал пособия, сдавал экзамены по отдельной ведомости. Учился на самом деле честно – не следовал примеру «статусных» синодальных чиновников, священников и монахов, которых преподаватели просто боялись обижать. В первых классах семинарии пришлось зубрить наизусть сотни библейских цитат – естественно, они не остались в памяти надолго, потому что всеми заучивались «под экзамен». Жалею об одном – не выучил по-настоящему греческий язык. Сегодня при анализе древних текстов видишь, насколько обедняют их смысл даже латинские термины, не говоря об английских, французских или русских.

В семинариях тогда училось много ребят с Украины – даже в Московской, в Сергиевом Посаде. В Санкт-Петербурге они составляли большинство. Особым рвением в учебе эти семинаристы не отличались – стремились поскорее рукоположиться и уехать на родину, если там их ждали (если не ждали, устраивались в России). Было определенное межнациональное напряжение: в семинарском туалете периодически стирали надпись «Гаси хохлов». Оно усиливалось «классовыми» различиями неофитствующей московской интеллигенции и украинских ребят, в значительной своей части приехавших из деревни.

В тот момент украинцев, особенно западных, насчитывалось немало среди духовенства Москвы, Центральной и Южной России, Урала, Сибири. Причина была очень простая: к началу первого возрождения церковной жизни после 1945 года почти все российское духовенство было выкошено репрессиями. Священники, вышедшие из лагерей и ссылок, были ослаблены, их дети в основном не хотели идти по отцовским стопам. А вот на Западной Украине гонений практически не было – советская власть там существовала с 1939 по 1941 год, на жесткую «борьбу с религией» не хватило времени, а после войны на масштабное закрытие храмов и аресты духовенства государство не решилось (правда, отправили в лагеря около тысячи священников-униатов). Украинцы приехали поступать в семинарию уже в 1945–1946 годах – кто в солдатской шинели, кто в одежде селянина. Именно благодаря этим людям духовенство как социальная группа смогло восстановиться. В Москве и других российских городах появились священнические династии, чьи корни были под Львовом, Тернополем, Ивано-Франковском...

В 1990-х годах на Западной Украине, где до того не было свободных священнических «мест», стали открываться новые храмы. Многие клирики, особенно из небогатых российских регионов, вернулись в родные края. Оголенными оказались целые епархии. Впрочем, многие украинские династии достойно служат здесь до сих пор – они уже давно сроднились с Россией.

Моей «практикой» в годы учебы в семинарии и академии стали семинары по творениям святых отцов, организованные в Издательском отделе для прихожан храма в Брюсовом переулке и для всех желающих. Году, наверное, в 1989-м митрополит Питирим вызвал нескольких священников и молодых сотрудников отдела, предложив им собирать раз в неделю прихожан и обсуждать с ними тексты двух величайших древних святых – Василия Великого и Иоанна Златоуста. Мы сделали ксерокопии старых книг и стали понемногу их разбирать на семинарах. Приходили как пожилые женщины, так и молодые неопиты. Священники на занятия скоро ходить перестали, семинар по Иоанну Златоусту вообще захирел, но «сидения» над трудами Василия Великого я смог продлить на пару лет – даже будучи сотрудником ОВЦС, несмотря на то что мой приход в «чужое» здание не приветствовался, но до времени допускался.

Мы читали и обсуждали весьма непростые тексты – «Шестоднев», повествующий о творении мира, «Нравственные правила», «Обличительную речь против Евномия», вероучительные послания к Амфилохию Иконийскому. Люди – либо очень простые, либо интеллигентные, но недавно пришедшие в Церковь, – всему внимали и с интересом вдумывались в творения древнего святого. Я в полной мере понял тогда: не надо пренебрегать никаким человеком, никого нельзя считать глупцом или неучем. Бог Сам помогает каждому на пути к христианским познаниям, к постижению Истины. И каждый ее достоин. В Церкви нет места «духовному элитизму», системам распознавания своих и чужих, образовательным, культурным или интеллектуальным цензам. Это мне потом подтвердило знакомство с практикой отца Александра Меня, который с одинаковым вниманием общался и с простой старушкой в храме Новой Деревни, и с академиками, известными писателями, «звездами» искусства... Такой же подход был и у отца Димитрия Дудко.

* * *

Рубеж 80-х и 90-х годов резко изменил финансовое положение Церкви. Мало кто сейчас знает, что в позднесоветское время монастыри, приходы, епархии буквально купались в деньгах. На всю Москву было лишь 40 с небольшим действующих храмов. Но вот крещений было, наверное, четверть от нынешнего количества, а уж отпеваний – практически столько, сколько сейчас, пусть иногда и «заочных», без принесения гроба в церковь. Столичный храм «зарабатывал» в день несколько сотен рублей, а то и тысячу-другую. Зарплата советского служащего тогда была около двухсот рублей, машина стоила пять тысяч. Священники обеспечивали на всю жизнь и детей, и внуков. Даже церковные сторожа, бравшие пятерку за поднос гроба или за возможность «договориться» о крестинах без паспортов родителей, могли ездить на хороших машинах и посещать дорогие рестораны. За какой-нибудь проект письма «в инстанции» я мог получить рублей сто – треть зарплаты отца-профессора. Посидеть с приятелями в ресторане «Будапешт» можно было за пяташку – с парой бутылок водки.

Все это застойное благополучие обрушилось вместе с СССР – не только из-за общего социально-экономического коллапса, но и потому, что неожиданно пришлось восстанавливать и строить новые храмы, открывать монастыри и семинарии, создавать воскресные школы. Как было сказано в одном из документов Архиерейского Собора 1992 года, наша Церковь «стала Церковью бедных». Уволились из ОВЦС вальяжные переводчики и протокольщики, привыкшие к куче «сверхурочных» и компенсаций за «непредвиденные расходы» вроде покупки сувениров или угощения иностранных гостей в дорогущих барах. Синодальный аппарат начал переживать социальную маргинализацию – впрочем, вместе со всеми тогдашними работни-

ками интеллектуального труда. Одежду мы могли себе позволить лишь самую дешевую. Основным местом для рабочих сплетен стали ларьки у метро «Тульская» – в ресторан гостиницы «Даниловская» было страшно даже заглянуть. Таким положение оставалось практически все 90-е годы. Священники жили в это время не сильно лучше. Начальство жизненными условиями сотрудников, прямо скажем, интересовалось не сильно.

Впрочем, для меня это было делом десятым. Как только владыка Кирилл заговорил со мной о принятии священного сана, я немедленно согласился. В апреле 1991 года стал диаконом, на следующее Рождество – священником. Ни при каких жизненных обстоятельствах – материальных, духовных, «карьерных» – не пожалел об этом выборе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.